

ЛЁД ИДЁТ НА СЕВЕР, ВАШЕ СИЯТЕЛЬНОСТЬ

Продолжение приключений попаданца в XIX век.

АЛЕКСАНДР ЗИМИН

18+

Александр Зимин

**Лёд идёт на север,
Ваше Сиятельство**

«Автор»

2026

Зимин А.

Лёд идёт на север, Ваше Сиятельство / А. Зимин — «Автор»,
2026

Я думал, самое сложное — это рубить лёд в минус сорок. Оказалось, нет. Сложное — это везти этот лёд через полстраны под грохот Крымской войны, когда за тобой охотятся те, кто не привык оставлять свидетелей, а местные поморы на краю земли обещают скормить твою печень духам озера. Озёрск остался позади. Теперь я — поставщик льда для госпиталей Его Величества. На кону — миллионы рублей серебром и спасение тысяч жизней. Но чтобы получить контракт, нужно добраться туда, где лёд не тает никогда, договориться с людьми, которые боятся собственной тени, и отбиться от конкурентов, готовых пустить кровь ради куска льда. Исторический авантюрный роман о менеджере по закупкам в теле графа. Где наглость встречается с русской зимой, а холодный расчёт — с живым человеком, который не привык отступать. Лёд идёт на север, Ваше Сиятельство. И он никому ничего не простит.

© Зимин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо	5
Глава 2. Сборы	6
Глава 3. Дорога. Громов.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Зимин

Лёд идёт на север, Ваше Сиятельство

Глава 1. Письмо

Стук в дверь был такой, будто хотели выбить её вместе с петлями. Я знал этот стук. Два года назад так же ломился приказчик с векселем. Тогда я проснулся в чужом теле. Сейчас — в своём. Но ощущение то же: беда пришла без стука.

Я открыл. На пороге стоял курьер. Мокрый. Грязный. Дышит так, будто бежал от самой столицы. В руке — письмо. Без печати. Без подписи. Только имя на обороте: «Графу Шереметеву. Лично».

— От кого?

— Сказали — граф поймёт.

Я развернул. Одна строка. Почерк дрожащий. Но я узнал бы его из тысячи. «Приезжай. Пока я не умер. Громов». Я стоял и смотрел на эти слова. Три дня пути. Если он ещё жив. Если письмо не опоздало. Если я успею.

«В 2025-м я бы просто позвонил», — пронеслось в голове. И я усмехнулся. Здесь телефонов нет. Здесь только лошади. И время, которого нет. Я обернулся к Егору. Он стоял у двери. Левой рукой придерживал правую — как всегда, когда уставал. Молчал. Ждал.

— Лошадей. Самых быстрых. «Срочно», — сказал я Егору.

— Сейчас, немедля. Громов при смерти.

Егор кивнул. Ушёл. Я надел перстень. Повертел в пальцах. Потом сжал в кулаке. «Пока я не умер».

Значит, ещё жив. Значит, успею.

Глава 2. Сборы

— Лошадей. — Егор кивнул. Ушёл. Через десять минут я услышал во дворе голоса. Кузьма уже седлал.

Я поднялся в кабинет. Быстро. Без свечей. На ощупь. Стол. Бумаги. Векселя. Контракты. Всё — в папку. Одна бумага выпала. Поднял. Всё по делу. Убрал в папку.

Деньги. В шкафу. За книгами. Тайник. Двести рублей серебром. Перстень. На руке. Фамильный. Шереметевых.

Я посмотрел в окно. Снег. Ровный. Без ветра. Пора.

Я вышел на крыльцо. И остановился. Имение жило.

Склады новые. Крепкие. Три. Вместо сгоревшего амбара. С льдом. Двери открыты. Люди ходят. Грузят. Работа кипит.

Двор чистый. Метён. Снег укрыв — но видно: работали. Строили. Жили.

За складами — озеро. Дымка. Лёд. На льду — люди. Много. Не трое. Не пятеро. Бригада. Пилы. Пешни. Лошади. Сани.

Они вырубали лёд. Ровные блоки. Клади на сани. Увозили. Кипела работа. Ещё два года назад здесь было пепелище. Теперь — дело.

Егор стоял у двери. В левой руке — лист. Смотрел в него. Хмурился. Губы шевелились — читал по слогам.

— Барин, а вы долго?

— Не знаю. Проведаю Громова. Решу дела в Петербурге. — Имение пока на тебе.

— От Лосева письмо. Про лёд. Я прочитал. Вроде к марту просят. Но тут слово одно не понял. Вон, третье сверху.

Я взял лист. Посмотрел. — «Обеспечение».

— Ага. Его.

— Это значит — чтобы лёд был готов вовремя. Чтоб не подвели.

— А. Понял.

Егор кивнул. Перечитал ещё раз. Медленно. Потом посмотрел на меня.

— Пиши ответ — сказал ему я. — Сам? — переспросил Егор с удивлением.

— Сам. Ты уже полгода учишься. Пора.

— Дак я же не всё ещё...

— И я не всё. Никто не всё. Пиши.

Егор усмехнулся. Первый раз за утро. — Ладно. Напишу. Если что — перепишу. — Он ушёл. В дом. Писать.

У ворот стоял человек. Немолодой. В аккуратном сюртуке. С папкой. Ждал. От Анны Павловны.

Я подошёл. Приказчик поклонился. Протянул папку.

— Ваше сиятельство, Анна Павловна велела передать документы. По складам. По озеру. Ждут подписи.

Я открыл папку. Бумаги ровные. Почерк аккуратный. Не её. Писаря. Но пометки на полях — её. Короткие. Точные. «Проверить». «Уточнить». «Отказать».

Я закрыл папку. — Скажи — подпишу по возвращении.

Я посмотрел на него. — Как её дела?

— Работает. С утра до ночи. Мужики слушают. Купцы довольны тем, как ведет дела. Не все, правда. Есть пара старых. Работали еще с князем. Говорят — баба не указ.

Я кивнул. Приказчик ушёл. Я смотрел вслед.

Кузьма подвёл лошадь. Молча. Готов. Я вскочил в седло. Оглянулся на имение. На Егора. На озеро. На людей на льду.

Кузьма уже сидел верхом. Ждал. Молча. Мы выехали через ворота. Снег хрустел под копытами. Имение осталось позади.

Я не обернулся.

Глава 3. Дорога. Громов.

Первые вёрсты — молча. Кузьма рядом. Дышит ровно. Смотрит вперёд. Не спрашивает ничего. Ему не надо.

Лес. Снег. Тропа узкая. Лошади идут гуськом. Я не оглядываюсь. К вечеру первого дня — тракт.

Широкая дорога. Обозы. Мужики в тулупах.

Мы не останавливаемся. Лошади храпят. Пар изо рта. Время не тратим на постой. Только ночлег и снова в дорогу.

К ночи первого дня добрались до постоянного двора. Кузьма спешил первым. Пошёл к хозяину. Я остался в седле. Двор был полон. Обозы. Лошади. Люди у костра. Едят. Кто-то спит прямо на сеновале.

Кузьма вернулся быстро. — Две лошади. Свежие. К утру будут готовы.

— Комната?

— Нет комнат. Все заняты.

— Не надо.

Я слез с лошади. Ноги гудели. Спину ломило. Я прислонился к ледяному бревну стены, закрыл глаза и впервые за три дня почувствовал пульс в висках.

Через час он толкнул меня в плечо. — Пора, барин.

Я открыл глаза. Лошади стояли осёдланные. Хозяин держал повод. Кузьма кинул ему монету. Тот поймал. Кивнул. Мы выехали в темноту.

Снег. Тишина. Только копыта.

На третий день — город уже близко. К полудню — развилка. Указатель. «Петербургъ».

Кузьма кивает в сторону. Мы поворачиваем. Дома. Заборы. Церковь. Люди.

Он впервые за дорогу подаёт голос: — К вечеру будем на месте, барин.

Я только кивнул — К вечеру успеем.

Петербург встретил нас шумом. Мостовые. Кареты. Лошади. Крики торговцев. Дым из труб.

Мы проехали по окраинам. Мимо фабрик. Мимо складов. Мимо людей, которые не смотрели на нас.

Кузьма свернул в переулок. Потом ещё раз. Потом на улицу, где дома были выше. Богаче.

Я узнал дом Громова сразу. Бархат. Позолота. Часы в человеческий рост за окном. Вкуса нет. Зато размах.

Мы остановились у ворот. Кузьма спешил. Постучал. Дверь открыл старик в ливрее. Он оглядел нас. Задержал взгляд на перстне. Потом на тулупе Кузьмы. Кивнул.

— Ваше сиятельство. Гаврила Петрович ждёт.

Он провёл нас через сад. Потом по коридору. Потом вверх по лестнице. Двери. Ковры. Свечи. Пахло лекарствами.

Старик остановился у двери. Обернулся.

— Гаврила Петрович слаб. Много не говорите. Врачи запрещают

— Понимаю. — Сказал ему я.

Он открыл дверь. Я вошёл. Комната тёмная. Только свеча у кровати. На кровати — Громов. Худой. Бледный. Глаза закрыты.

Я подошёл. Сел на стул рядом. Он открыл глаза. Посмотрел на меня. Долго. Потом улыбнулся. Еле-еле.

— Ты знаешь, что я тебе скажу?

— Нет.

— Ты дурак, граф. Но ты — мой дурак. И я тебе верю.

Он закрыл глаза. Я думал — всё. Но он открыл их снова.

— Женись на моей дочери. Или я тебя прокляну. — И снова попытался улыбнуться.

Он замолчал. Смотрел в потолок.

— Два года назад я тебя не знал. Ты пришёл с льдом и словами. Много слов. Я не поверил. Потом поверил. И не пожалел ни разу об этом.

Он усмехнулся. Кашель. Долгий. — Я тогда понял: этот — не дурак. Этот — опасный человек. Но честный опасный человек. Редкость.

Он помолчал. — Теперь слушай.

Я наклонился вперёд.

— Я умираю. Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Месяц. Может, два.

— Гаврила Петрович... Что такое говоришь — Попытался возразить я, он перебил.

— Молчи. Слушай.

Громов перевёл дыхание. — У меня дочь. Одна. Настя. Двадцать лет. Умная. Но одна. Без меня её съедят. Наследники — племянники мои.

— Они уже здесь. Сидят внизу, пьют мой коньяк. Ждут, когда я начну остывать, чтобы опечатать кабинет. Если ты не поможешь — то я не смогу защитить дочь и дело всей жизни.

— Что вы хотите? — Чтобы ты на ней женился. Я молчал. Смотрел на него.

— Не по любви. По расчету. Ты получаешь моё дело. Связи. Людей. Дом. Она получает защиту. Имя. Тебя не съедят.

— А если я откажусь?

— Тогда я умру спокойно. Зная, что ты — дурак. Но честный дурак.

Он смотрел на меня. Ждал. Он снова попытался улыбнуться. Губы дрогнули, обнажив зубы. Но глаза остались холодными. Только сухой, холодный расчёт.

Я встал. Пошёл к двери. Рука легла на медную ручку.

— Граф. — Голос Громова ударил в спину хрипом. — Она не знает. Я замер. Обернулся через плечо. — Скажи ей сам.

Я кивнул. Вышел.

В коридоре — тихо. Только свечи горят. Из первого этажа поднимались голоса. Звон стекла. Смех. Хозяин при смерти — значит, праздник начался. Я прошёл мимо лестницы. Не обернулся. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Я постучал костяшками пальцев. Толкнул, не дожидаясь ответа.

Настя стояла у окна. Спина ко мне. Смотрела на снег во дворе. Когда дверь скрипнула, она даже не вздрогнула.

Просто сказала, не оборачиваясь: — Я слышала голос отца. И ваши шаги. Тяжелые. Он кричал?

— Нет. Говорил.

Она обернулась. Молодая. Строгая. Тёмные волосы собраны в простой узел на затылке. Серые глаза смотрели прямо, не мигая. Не красавица. Лицо слишком резкое, скулы острые. Но взгляд умный, цепкий. Как у счетовода.

— Догадывалась, — сказала она. — Последние три дня он только ваше имя повторяет. Лёд. Озеро. Шереметев.

— Сделка будет, — сказал я сразу. Без предисловий. — Брак. Расчет.

Она не отвела глаз. Кивнула едва заметно. — Хорошо. — Я так и думала. Он позвал меня час назад. Дал договор. Сказал читать.

— Я не дура. Отец умирает. Мои кузены внизу уже делят его состояние. Мне нужна защита. Вам — дело. Всё честно.

Она кивнула на стол. Там лежал развёрнутый лист. Почерк знакомый — отцовский, размашистый. Но весь правый край был испещрён пометками. Резкими. Угловатыми.

Я шагнул ближе. Наклонился. Пробежал глазами текст. Всё верно. Титул за капитал. Стандартно. Пока взгляд не упал на пункт о приданом.

Строка перечёркнута крест-накрест. Жирно. Навылет. Рядом, её рукой, твёрдым почерком выведено одно слово: «Исключить».

— Приданое — моё, — сказала она, заметив мой взгляд. — Инвентарь льдохранилищ, векселя поставщиков, доля в бирже. Мои деньги. Мой риск. Я вела книги два года. Мужу они не принадлежат. Она положила перо. Медленно. Звук прозвучал как выстрел.

— Вы согласны на такие условия? — спросил я.

— Одно условие взамен, — она подошла ещё ближе. Остановилась в полушаге. Протянула руку.

— Я буду вести дела сама. Склады. Контракты. Бухгалтерию. Не как жена. Как управляющий. Ваше слово?

Она протянула ладонь. Сухая. Пальцы ледяные от близости окна. Но пожатие оказалось крепким, мужским. Никаких перчаток.

— Согласен.

— Анастасия.

— Максим.

Мы стояли так секунду. Потом она отпустила первой. Разжала пальцы. Отступила назад, к окну. Границы были установлены.

— Отцу скажете сами? — спросила она. — Скажу. — Хорошо.

Я вышел. Закрыл дверь плотно, щелкнув замком. В коридоре всё так же тихо. Свечи. Запах воска. Голоса снизу стали громче — кто-то затянул пьяную песню.

Я пошёл обратно к Громову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.